

его в принадлежности к «контрреволюционному центру правых». После голосования (опросом) членов ЦК ВКП(б) его вывели из состава высшего партийного органа, дело передали в НКВД и в 20-х числах мая арестовали. Ему инкриминировали создание и руководство «Уральским повстанческим штабом», и уже 30 октября расстреляли. Такая же участь ожидала его многочисленных выдвиженцев из числа обкомовских, облисполкомовских, городских и районных аппаратчиков.

Автор монографии пришёл к выводу, что коррупция к середине 1930-х гг. приняла масштаб, угрожавший существованию самого государства. Денежные поступления в карман представителей правящего слоя значительно снижали возможности индустриализации. Стиль жизни правящего слоя дискредитировал советскую систему, способствовал распространению двойной морали, поскольку «провозглашаемые ими лозунги о все-

общем равенстве и справедливости, горячее одобрение установок партии и правительства – всё это было не более чем декорацией, лишь неизбежной повинностью советского чиновника» (с. 268). Сталин, в свою очередь, «столкнулся с молчаливым сопротивлением местных вождей, не желавших расставаться со своими куклами, возвращенными в первой половине 1930-х, становиться лишь частью безликой партноменклатуры, подвергаться критике как сверху, так и снизу, наряду с простыми смертными; они не хотели проходить через унижительную процедуру тайного голосования, рискуя быть неизбранными». Чистка элиты закончилась физическим уничтожением значительного количества её представителей.

Примечание

¹ Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016.

Владимир Булдаков

Сатира и Сталин*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Satire and Stalin

DOI: 10.31857/S2949124X2305019X, EDN: OLBBXN

А.Л. Юрганов, известный специалист по русскому Средневековью, предложил весьма необычное исследование, в котором попытался связать сатирические образы советской действительности с процессом становления культа личности И.В. Сталина. Замысел выглядит интригующе. Однако начинает Юрганов вовсе не

с сатиры. В апреле 1926 г. состоялась персональная выставка К. Редько (1897–1956) – художника почти неизвестного и не самого оригинального. Среди 200 его картин нашлось место необычному полотну под названием «Восстание». В центре изображён В.И. Ленин в позе, напоминающей регулировщика дорожного движения

* Юрганов А.Л. В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х – начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.

(правая указующая рука направлена вверх на 45°, левая — горизонтально в ту же сторону). «Вождь» с четырёх сторон окружён сподвижниками, взятыми в каре рядами прочих партийцев.

Говорить о достоинствах картины не имеет смысла. Редько, начинавший как иконописец, длительное время пародировал авангардистов и, наконец, попытался выступить как певец электричества и света. Однако Юрганова занимает не необычная световая гамма картины, а расстановка фигур. Оказывается, что ближе всех к Ленину стоит Л.Д. Троцкий, тогда как Сталин — лишь на девятом месте. Историком данная композиция кажется многозначительной: «Необходимо выяснить, является ли картина плодом только личного умозрения художника или она свидетельствует о какой-то типичности в объяснении ситуации» (с. 51). Редько вряд ли намеревался выстроить иерархию революционных руководителей — они, скорее всего, представлялись тогда усреднёнными исполнителями воли почившего Ленина. Для того времени — дело обычное. Продолжая линию использования «нетрадиционных» источников, процитирую стихотворные строки, приписываемые хулиганствующему поэту А. Тинякову: «Чичерин растерян, и Сталин печален, / Осталась от партии кучка развалин. / Стеклова убрали, Зиновьев похерен, / И Троцкий, мерзавец, молчит, лицемерен. / И Крупская смотрит, нахохлившись, чортом, / И заняты все комсомолки абортom. / И Ленин недвижно лежит в мавзолее, / И чувствует Рыков верёвку на шее»¹. Чем не отражение переживаемой неопределённости?

Однако Юрганов уникальности социально-политической ситуации не заметил. Он взялся разглядеть в художественной композиции призрак будущего тирана. При этом его беспокоит вопрос: «Как могли люди

допустить, что человек, не отличавшийся особой яркостью публичного политика и государственного деятеля, превратился в настоящего идола?» (с. 6). В своё время таким же вопросом задавался Троцкий, называвший Сталина «серой кляксой». Впрочем, судя по косвенным данным, он со временем нашёл ответ: психосоциальному истощению масс, неизбежному на нисходящей волне революционного цикла, соответствует именно «бесцветный» руководитель — вкрадчивый интриган, обладающий «инстинктом власти». Юрганов настаивает, что Сталина создал *сам* Сталин. Между тем приведённый им материал свидетельствует, что соответствующий образ в значительной степени формировался «снизу».

Образованные люди склонны считать, что и в прошлом *все* мыслили по их «рациональным» шаблонам. Увы, в постсоветской России было иначе: разрыв между носителями «модерного» и традиционного сознания оказался велик. Неудивительно, что некоторые участники Гражданской войны, претерпев неудачу в нэповской жизни, взывали к Сталину как к «отцу» и спасителю². Впрочем, порой его называли «братом» и «учителем»: так инстинктивно преодолевалось ощущение социального сиротства. Одна 18-летняя комсомолка из г. Ельня Смоленской губ. в 1926 г. обращалась к «многоуважаемому, многоповелительному, многозаступительному тов. Сталину» с просьбой поддержать её «совершенно упавшую энергию»³. Кое-кто находил в самом слове «Сталин» вдохновляющее начало. В 1924 г. молодая учительница из Ташкентского уезда сообщала, что селение Богородицкое переименовано в Сталино, и теперь его название звучит «чеканно» — в противоположность отменённому, «от которого так и отдаёт поповщиной»⁴. Конечно, в подобных

случаях не обходилось без лукавства. Тем не менее в стремлении обрести поддержку сверху люди чаще обращались именно к Сталину, причём вовсе не как к партийному лидеру. Очевидно, сказывалась кажущаяся психическая изоморфность вождя и массы: он представлялся «своим» человеком, способным войти в положение «униженных и оскорблённых».

Юрганов старается доказать, что в 1920-х гг. ранжирование «вождей» эффективно осуществлялось с помощью сатиры. На деле вряд ли тогдашние — относительно независимые — *mass media* могли решить подобную задачу. Художники «перекрашивались». Так, «эстет из “Аполлона”» Н.Э. Радлов «вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, “Смехаче” и в “Красной”»⁵. Подобных примеров — в избытке. Не случайно иллюстративный материал этого времени заметно уступает по выразительности карикатурным плакатам времён революции и Гражданской войны. Тот факт, что на протяжении 1925 г. Троцкий упоминался в «Крокодиле» намного чаще, чем Сталин (с. 55), мало что значит (к тому же непонятно, насколько репрезентативны приводимые автором цифры). То, что в декабре на XIV съезде ситуация внутри партии ощущалась как «раскол» (с. 61), также не играло роли в массовом сознании. Другое дело, что в этих условиях выигрывал тот, кто смог создать образ «злонамеренной» оппозиции. И здесь автор прав: существенную роль *могла* сыграть сатирическая печать. Другое дело, насколько осознанно она подыгрывала Сталину.

Всякое общественное разочарование усиливает склонность к злословию. Сатирическая печать старалась удовлетворить эту потребность, а для этого не стоило вникать в политические интриги в верхах. Дело не в том,

что Троцкий «искажал» ленинизм. Одной части партийных функционеров он был непонятен, другой становился не нужен. Троцкий, вопреки этому, призывал вернуться к Ленину. Трактовка им победы Октября кажется противоречивой. С одной стороны, он вроде бы показывал стихийность движения масс, с другой — допускал наличие у Ленина бланкистских замашек и «ошибок». Так, тот «требовал немедленного приступа к правильному заговору: застигнуть противника врасплох и вырвать власть, а там видно будет»⁶. Тем самым предполагалось нейтрализовать колебания в большевистских верхах. В результате «мы сами для себя не уяснили того, что совершали и как совершили»⁷. Говорить такое в условиях нэповских неопределённостей было, по меньшей мере, опрометчиво.

На ситуации 1920-х гг. не могло не сказаться и поведение «инертной» массы, чего современные исследователи склонны не замечать. Неслучайно у Юрганова вызывает недоумение то, что в 1925 г. критика Троцкого вдруг сошла на нет. Он приписывает это сговору Сталина и Троцкого, последовавшему в результате их тайной встречи. Однако встречаться лично не имело смысла: и тому, и другому стало ясно, что идейная сумятица в верхах обостряет социальную агрессивность низов и прямо угрожает партии.

К этому добавлялось недовольство интеллигенции. Чекисты убеждали, что «сменовеховские» настроения ушли в прошлое, однако отмечали, что появились «фашистские и террористические настроения»⁸. В Воронеже профессор-«реакционеры» якобы развернули борьбу с левыми преподавателями, а в Москве студенты издавали подпольный антисоветский журнал⁹. В конце 1924 г. «допризывники Костромской губ. заявляли: “К весне нас обучат — пойдём Троцкого защи-

щать, воевать заодно с ним»¹⁰. В ноябре 1924 г. в городской среде ходили слухи «о предполагаемом, будто бы, исключении Троцкого из партии»¹¹. Говорили также о скорой войне и падении советской власти (Ленинградская губ.); в Белоруссии, на Украине и в Сибири фиксировались антисемитские высказывания в адрес правительства¹².

Противоречивая неопределённость становилась взрывоопасной и в других слоях общества. В январе 1925 г. в Тульской губ. крестьяне недоумевали: «Почему нам не говорят правды о троцкизме-ленинизме? Почему партия не выгонит негодяев?»; «На каждом собрании спрашивают о Троцком — он был с нами на фронте и защищал советскую власть». Кое-где «с антисемитским азартом» снимали портреты Троцкого в школах, в других местах, напротив, говорили, что «Троцкий подметил, что без Ленина партия стала хуже». Утверждали также, что население «понимает троцкизм как отмену всех налогов и сборов», а «все разговоры о Троцком связаны с недовольством крестьян рабочими». Возмущённо спрашивали: «Почему Троцкого не сажают в тюрьму, а крестьян за маленькое преступление сажают?»¹³. В декабре 1925 г. в Тамбовской губ. звучали призывы: «Да здоровствует товарищ Троцкий с Красной армией, да здоровствует Учредительное собрание!». В Московской губ. коммунистов упрекали: «Троцкий хотел освободить крестьян от налога, а вы его арестовали. Он хотел принять крестьян в партию, а вы боитесь этого»¹⁴. Из Северо-Кавказского военного округа докладывали: «Распространены слухи о том, что Троцкий выступал за крестьянство; Троцкому симпатизируют». На Кубани говорили: «Лучше всего идти за Троцкого, он освободитель народа от налога»¹⁵. Сообщали, что «в связи с увольнением Троцко-

го одни говорят, что “жидам нельзя было доверять”, другие, напротив, заявляют: “Троцкого жида убрали, он хоть и жид, но хороший работник”»¹⁶. Между прочим, в апреле 1925 г. ходили слухи, что Троцкий «реабилитирован и будет председателем СТО и наркомом просвещения, а Луначарский, по одной версии, посол в Риме, по другой — для него создаётся Министерство изящных искусств»¹⁷.

Звучали и такие заявления: «Согласен со Сталиным, а не Троцким по поводу построения социализма в одной стране». Обычно они исходили от молодых коммунистов, а члены партии «страстно желали понять суть ошибок т. Троцкого». Им казалось, что «вопрос о крестьянстве освещён одинаково у Ленина и у Троцкого»¹⁸. Некоторые партработники высказывались так: «Я очень благодарен Льву Давидовичу... благодаря ему я теперь и троцкизм хорошо знаю». Другие были уверены: «Мы на распутье, у двух дорог», а потому «шельмование тов. Троцкого» приведёт к несчастью¹⁹. Случались характерные стычки: «Один коммунист с кулаками бросился на другого, сказавшего, что Троцкий был меньшевиком». При этом подчёркивалось, что «к пониманию отхода тов. Троцкого партию надо готовить не один год». А пока некоторые коммунисты поднимали тосты «за вождей и Троцкого»²⁰. В середине декабря 1925 г. прозвучало и такое мнение: «Совершенно ясно, что не может быть и речи о главенствующей роли Троцкого в руководстве Партией, но вместе с тем возможность сохранить его, как одного из вождей Партии, было бы лучшим решением вопроса». Однако некоторые комсомольцы недоумевали: «Почему Троцкий занимает такой большой пост?»²¹. В сущности, лидерам приписывались востребованные черты. Этот процесс мог ускориться в ходе перерастания в верхах

доктринально-схоластических споров в личностные нападки.

В настоящее время суть устремлений Сталина у исследователей сомнений не вызывает. С 1921 г. он мечтал о преобразовании большевистской партии в своеобразный «орден меченосцев»²². Естественно, это не соответствовало навыкам и амбициям лидеров, привыкших экспериментировать в хаосе революции. Между тем «наследниками» Ленина могли быть только те, кто, подобно ему, «не ошибался». Но могла ли «разрулить» эту ситуацию тогдашняя пропаганда?

В 1925–1926 г. сатирические журналы по отношению к партийно-государственным делам вели себя осторожно. В 1926 г. «Крокодил» поместил лишь одну карикатуру на Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева (с. 104–105), а в следующем году их стало 11 (с. 134). Но как реагировали на происходящее другие журналы («Бегемот», «Бузотёр», «Чудак», «Смехач», «Красный перец», «Мухомор», «Крысодав» и др.), Юрганов не упоминает. Известно, однако, что их переполняли злословие и осмеяние всех «чуждых»: нэпманов, «буржуазных специалистов», «назначенцев», «перерожденцев» и проч. Со временем число объектов критики пополнялось, а сами они превращались в объекты ненависти. Но применительно к партийным верхам это происходило с явным запозданием.

Во второй половине 1920-х гг. количество проклятий в адрес власти — в том числе и со стороны разочарованных коммунистов — увеличилось²³. В начале 1928 г. в Армении обнаружили прокламации с призывом: «Долой всех большевиков-нэпманов, да здравствует оппозиционная ветвь партии... Рабочие, крестьяне, освободитесь от коммунистического капитализма... Народ, Троцкий и Зиновьев — твои защитники, защищай их

беззаветно!». В Казахстане некоторые баи призывали местную молодёжь записываться в «армию Троцкого», а не в «армию коммунистов»²⁴. Отсюда навязываемые сверху «чистки». Не следует, однако, думать, что к ним подходили серьёзно. Сатирический журнал поместил карикатуру: к предстоящей чистке некоторые «дальновидные» коммунисты подают заявление о выходе из партии из-за «некоторых политических разногласий», чтобы, «исправившись», снова вступить в неё²⁵. На этом фоне оказывались особенно востребованы «главные» виновники.

Юрганов считает, что эту задачу активно решал «Крокодил». По его мнению, суггестия «правильности» партийной линии велась в журнале от лица «мнимого и безразличного большинства», которую он понимает как «категорию вполне иррациональную», а потому претендующую на «законность» (с. 143). На деле в глазах низов партия сама по себе превращалась в нечто метафизическое и даже трансцендентное (подобно *исторической* российской власти), в принципе не подлежащее критике. Эффект «непогрешимости» усиливался, поскольку верхи вроде бы действовали от лица «единственно верной» марксистской теории. Юрганов утверждает, что Сталин стал гарантом её «истинности» с 1929 г. На деле с подобной претензией он безуспешно выступил ещё в 1917 г., на VI съезде²⁶. Вряд ли стоит абсолютизировать этот момент, экстраполируя ситуацию нелегального существования партии на период её господства. В новых условиях собственно теория становилась не нужной: её подменяла вера в чудо «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Сталину важнее было предстать «самым авторитетным практиком строительства социализма». Это по-своему отразила одна из карикатур 1927 г.: крупная

фигура Сталина-«строителя» скептически внимает словам малорослого Бухарина-«инженера» (с. 156–157). Соответственно, избавившись от мелкого и суетливого Бухарина, можно было предстать в роли единственного «чудодея».

События тех времён не следует прочитывать буквально: за теоретической схоластикой копошились старые, как мир, надежды и суеверия. Получилось бы адекватно передать это средствами сатиры? Вряд ли. Во всяком случае, сопоставление споров в партийных верхах с их карикатурными отражениями в этом вполне убеждает. Сатира могла лишь внушить отвращение к тем, кто делал что-то «не так».

Чем в действительности являлись «экзотические» акты самокритики? Представляется, что людская масса инстинктивно пыталась сделать «мутное» (по традиционалистским представлениям) городское (или заводское) социальное пространство «прозрачным» — на манер сельской общины (в границах которой, как известно, утверждался особый верноподданнический этос). Юрганов считает, что «в мире кривозеркальных отражений рождалась какая-то своя субкультура, её можно даже условно назвать народным сталинизмом» (с. 283). Скорее это просто традиционная культура, что оказалось на руку власти: обычно авторитаризм старается так «высветить» социальное пространство, чтобы самого его разглядеть стало невозможно.

В декабре 1928 г. сатирический журнал поместил на обложке зевающего спросонья обывателя с партбилетом. Он беспокоился: «Сегодня самокритика, завтра чистка, а послезавтра — того и гляди пошлют мировую революцию делать»²⁷. На деле основные идеологические кампании — критика и самокритика, чистка партийного и государственного ап-

парата, наконец, борьба с «оппортунизмом» — заменяли мировую революцию поклонением существующей власти. Этому способствовало особое советское двоемыслие — специфическая форма адаптации к не вполне понятному культу.

В какой степени этому помог «Крокодил»? Представляется, что Юрганов преувеличил его возможности. Во всяком случае, из параллельного изложения длинных дискуссий в верхах и карикатурных комментариев в журнале видно, что квазирелигиозный культ утверждался в ином — не политическом, а психосоциальном — измерении. Страха перед будущим тираном ещё не существовало, зато появились опасения проглядеть «врагов». Отсюда — надежда на единственного носителя «генеральной линии партии».

Из сказанного, конечно, не следует, что попытка разглядеть нарождающийся сталинизм через «подобострастную» сатиру бесперспективна. Культ «вождя» в России имел сложную природу. Чем более разнообразные источники привлекаются для выяснения его происхождения, тем отчётливее просматривается механика власти в России.

Примечания

¹ Тиняков А. Без привкуса морали. М., 2005. С. 119.

² Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 104–106, 147; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 645, л. 446; д. 859, л. 76–77.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 494, л. 9.

⁴ Там же, ф. 558, оп. 11, д. 717, л. 5.

⁵ Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 253, 362.

⁶ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 61.

⁷ Троцкий Л. Д. Уроки Октября. СПб., 1991. С. 70.

⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.).

Сборник документов. Т. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 388.

⁹ Там же. Т. 1. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 879, 901.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 351.

¹¹ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 49 об.

¹² «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 773, 721.

¹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 745, л. 66, 68–69.

¹⁴ Там же, д. 858, л. 41; д. 859, л. 38.

¹⁵ Там же, д. 950, л. 31, 38, 40.

¹⁶ Там же, д. 1013, л. 4 об.

¹⁷ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 60 об.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 1013, л. 63; д. 1032, л. 138.

¹⁹ Там же, д. 1025, л. 33; д. 1027, л. 172–172 об.

²⁰ Там же, д. 1032, л. 25 об.

²¹ Там же, д. 1030, л. 17 об., 40.

²² См.: Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.

²³ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть... С. 516, 681.

²⁴ «Совершенно секретно»... Т. 6 / Сост. Н.Е. Быстрова и др. М., 2002. С. 96, 154–155.

²⁵ Чудак. 1929. № 6. С. 4.

²⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 181.

²⁷ Чудак. 1928. № 1. С. 1.

Николай Смирнов

Постигая российские революции*

Nikolay Smirnov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

Comprehending the Russian revolutions

DOI: 10.31857/S2949124X23050206, EDN: OLEHVK

Благодаря ряду фундаментальных трудов¹ В.П. Булдаков известен отечественным и зарубежным учёным как один из крупнейших современных историков российского революционного процесса. Его наблюдения и выводы вызывали и вызывают страстные споры среди профессионалов. Однако сложно представить серьёзную работу о России 1917–1922 гг., в которой не учитывалась бы концепция автора «Красной смуты».

Яркому полемисту Булдакову всегда было тесновато в рамках как советской, так и постсоветской историографии. С благодарностью вспоминая школу академика И.И. Минца, он тем не менее никогда и ни на кого не желал походить. Его творческий

почерк неизменно отличается редкой по широте эрудицией, глубоким знанием русской и зарубежной литературы и философии, ярко выраженной индивидуальностью. В полной мере эти черты проявляются и в тех 59 публикациях 1991–2022 гг., которые он включил в свою новую книгу.

Любопытно, что она «задумана около 30 лет назад». Тогда, при пересмотре «мифов, легенд, предрассудков и идеологических клише», «предполагалось, что собрание текущих полемических публикаций на актуализированные темы позволит объяснить, почему прежние подходы к российскому — не только советскому, но и дореволюционному — прошлому должны быть отброшены. Такое наме-

* Булдаков В.П. Историк и XXI век. Статьи, рецензии, выступления, интервью. 1991–2021 гг. М.: Новый Хронограф, 2023. 712 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».